

Можно ли уловить какую-то общую мелодию в том многоголосии, которое являют собой литературные журналы последнего времени?

Разумеется, суждение моё будет субъективным, и всё-таки мне кажется, что одну главную тему выделить можно, и я обозначил бы её так: *необходимость продолжать курс на сословное и имущественное расслоение России.*

Тут, конечно, необходимы оговорки.

Первая: зачем вообще нужно расслоение? Ведь мы привыкли считать чуть ли не главным нашим достижением равенство прав и возможностей!

Однако этот вопрос (спор между «правой» и «левой» политическими идеологиями) здесь подробно обсуждать неуместно. Достаточно напомнить, что в реальности (а не в лозунгах) равенства

не бывает никогда, а правые и левые партии просто выступают за *разный тип неравенства и расслоения*.

Вторая оговорка касается предмета более сложного. Если ведущая мелодия в симфонии сегодняшнего дня, действительно, говорит о необходимости иерархии, то расслышать эту тему довольно сложно, ибо всё сейчас заглушается другой темой – тревогой за международные отношения и за Россию. Всё перекрывается воинственными аккордами, – а, может быть, просто барабанным боем, – доносящимся с Запада. Порой возникает ощущение, что война России уже объявлена и что в странах НАТО началась мобилизация – пока идеологическая. Ненависть к нашей стране зашкаливает – и какой иной ответ может дать наша культура кроме призыва превратить страну в единый военный лагерь?

Противостояние с Западом вызывает к жизни внутри России строй, похожий на военный коммунизм, в условиях которого ни о какой дифференциации говорить неуместно – только о единении. Но, чуть стихает грохот воинственных барабанов, чуть повеет миром, как вновь слышится мелодия, на которую я указал выше.

Без дисциплины и иерархии, без разделения на элиту и массу общество существовать не может. (Кстати, и армия тоже развалится без иерархии.) Одним из тех, кто хорошо понимает необходимость сословного принципа, является поэт **Николай Полотнянко**. Он постоянно печатается в журнале «Великоросс», в котором имеет честь публиковаться и автор этих строк.

Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 г. в Алтайском крае, окончил Литературный институт, является автором поэтических сборников, а также исторических романов, за один из которых («Государев наместник») в 2008 г. он получил Всероссийскую литературную премию им. Гончарова. Н. Полотнянко живёт в Ульяновске и до недавнего времени работал главным редактором журнала «Литературный Ульяновск». (В настоящее время, по инициативе администрации Ульяновской области, «Литературный Ульяновск» преобразован в журнал «Симбирск».)

Охарактеризую две последние поэмы Полотнянко, напечатанные в «Великороссе», это, соответственно, поэма «Наташкин бор» («№ 1 – 2016 г.) и «Знай наших. Осада Симбирска» (№ 1 – 2017 г.). Первая поэма – о жестокостях раскулачивания и коллективизации в Сибири, вторая – о разгроме восстания Степана Разина, по войскам которого решительный удар был нанесён именно под Симбирском. Приведу несколько строк из этой поэмы чтобы дать почувствовать стиль Полотнянко:

Русь была некрепка.// И казак Стенька Разин//
Поманил голытьбу// На удачу и риск.//
И свирепого бунта // пошли метастазы//
На Москву,// Но запнулись//
о верный Синбирск.

Таково начало поэмы. Не удержусь и укажу на эффектную рифму: «Разин – метастазы». Рифма значимая, ибо революция (бунт) это, по мнению Полотнянко – болезнь, причём смертельная, подобная раку. А вот строки из развязки поэмы:

И всю пойму накрыл// Лязг железный и рёв.//
Рабья Русь и дворянская// Мерились силами.//
И ручьями стекала в Свягу// Горячая кровь.//
Вопли ужаса, стоны// И конские храпы,//
Топот толп,// Самопалов и пушек пальба.//
И катилось кровавое солнце// На Запад,//
Но неведомо было,// Кому улыбнётся судьба.//
Заскрипели ворота в кремле.// Из ограды//
Осаждённые ринулись// Разинцам в тыл.//
И ударили дружно//Стрельцы из засады,//
И удар этот участь// сраженья решил.

Здесь необходим следующий комментарий. Думается, Николай Полотнянко в этой небольшой поэме сделал очень большой шаг. Во-первых, он показал наличие глубоких противоречий между «рабьей Русью» и «Русью дворянской», а, во-вторых, однозначно стал на сторону «Руси дворянской». Именно показ *силового подавления* бунта позволил ему так чётко расставить приоритеты чего не делал, по-моему, никто в русской литературе. В том числе и у Пушкина в «Капитанской дочке» симпатии, как минимум, разделены поровну между Пугачёвым и дворянами, основным же отрицательным персонажем сделан не Пугачёв, а Швабрин, заметим, – дворянин.

Доктор филологических наук, профессор Государственной академии славянской культуры Татьяна Радомская в своих статьях и беседах о Пушкине утверждает даже, что симпатии Пушкина *в большей степени* на стороне Пугачёва, чем дворян, и с этим вполне можно согласиться. Так и симпатии Льва Толстого в конце жизни всё больше склонялись к опрощению и к народным ценностям. Повторюсь: в этом смысле небольшая поэма Полотнянко уникальна.

Поставим вопрос: есть ли какая-то заслуга не только самого Полотнянко, но и журнала «Великоросс» в том, что такая поэма увидела свет? Думается, заслуга «Великоросса» есть, и эта публикация неслучайна, очень уж яркие личности делают журнал: главный редактор Иван Голубничий, шеф-редактор Светлана Замлелова и ответственный секретарь редакции Николай Головкин. Первые две литературные фигуры в представлении, думаю, не нуждаются, а о Николае Головкине несколько слов сказать нужно, хотя его творчеству я уже посвятил статью «Осведомлённейший наблюдатель»². Николай Головкин родился и вырос в Туркмении, хотя предки его жили в Москве, куда он теперь и вернулся. Он – поэт и критик, автор нескольких книг стихов и сборников культурологических эссе. По его эссеистике видно, что Николай Головкин хранит сословные традиции своей семьи – семьи богатых купцов, и это очень важно.

Наиболее заметной прозаической публикацией последнего года в «Великороссе» были фрагменты из нового романа Светланы Замлеловой «В некотором царстве». Роман посвящён русской жизни в XIX веке, и пока можно сказать только то, что в нём просматриваются две темы: жизнь русского купечества и жизнь еврейского купечества. Вот названия четырёх опубликованных фрагментов: «Циля Шнеерсон», «Еким Петунников», «Купчиха Кокорева», «Макарушка». Каким будет сюжет этого романа в окончательном виде, сказать пока сложно, но, зная предыдущую прозу Св. Замлеловой (романы «Блудные дети» и «Скверное происшествие»), можно ожидать, что сюжет окажется не банальным, а произведение – ярким и значительным.

Перехожу к сетевому журналу «Молоко». Об этом влиятельном журнале нельзя сказать (как о «Великороссе»), что это – журнал «правого крыла», скорее, «Молоко» последовательно проводит «левую», социалистическую линию. Тем не менее, журнал и его главный редактор Лидия Сычёва неизменно демонстрируют великолепный вкус и высокую компетентность в отборе материалов, доказательством чему – недавние публикации двух романов Юрия Серба («Площадь безумия» и «Шум»).

Юрий Серб – псевдоним петербургского прозаика Георгия Александровича Лебедева, о чьём творчестве мне уже приходилось писать. Что касается самого нового его романа («Шум»), то он оформлен в традиционной (дореволюционной) орфографии: факт,

² Опубликована в журнале «На русских просторах» № 2, 2016 г., а также в сетевой версии журнала «Великоросс» № 86, июнь, 2016 г.

вызывающий уважение, так как писатель Юрий Серб давно критиковал новую орфографию Советской России и теперь решил делом доказать, что возможно использование и в XXI веке орфографии традиционной. Свидетельствую: после первых 10–15 минут чтения её перестаёшь замечать! Значит, возвращение к старой орфографии может быть не таким трудным делом, как обычно считается.

Большая часть опубликованного текста «Шума» посвящена Салабину – это тот же герой (по профессии – работник паромного транспорта), с которым мы встречались в романе «Площадь безумия». Через этого героя Ю. Серб показывает сферу международных морских перевозок – конкретно, работу в Стамбуле. Эти сценки – очень жизненные, но философская проблематика в большей степени раскрывается через двух других героев «Шума», с которыми мы знакомимся уже в прологе: это князь Рославлёв (потомок эмигрантов), он приехал из Англии в Петербург и встречается с философом Красовым (другом филолога Салабина):

Вот как Красов, кандидат наук, говорит о себе:

«– По мне, въ тысячу разъ благодороднее моя мать-крестьянка съ ея неполнымъ среднимъ образованіемъ, чемъ я самъ, кандидатъ наукъ и плановый докторантъ. Самъ я паразитъ – и 90 процентовъ моихъ коллегъ только паразиты на теле общества.

– То есть вы говорите о порокахъ городской цивилизаціи какъ таковой, – кивнулъ понимающе Рославлевъ. – Иными словами, вы врагъ прогресса?

– Несомненно! – безъ тени запинки произнёсъ Красовъ, облегченно вздохнувъ: его-таки поняли! – Вы попали въ точку! Вы подарили мнѣ діагнозъ. Теперъ мне легче будетъ стоять на своём!

«Теперъ я, можетъ быть, и нащупаю себе призваніе...» – подумалось ему».

Насколько я знаю, в критике пока не звучала трактовка Ю. Серба как автора «правых» взглядов, да и сам он не очень настаивает на необходимости восстановления дворянства и других словесий.

Но позволительно спросить: если публицист выступает за восстановление дореволюционной орфографии, неужели он будет против возрождения и других дореволюционных традиций, в том числе, сословных? Ведь орфография – это всего лишь инструмент, а по содержанию взгляды Юрия Серба я бы охарактеризовал как лежащие в русле «правой» идеологии. Хотя, конечно, это моя субъективная интерпретация.

Очень важным явлением последнего десятилетия нужно считать возникновение в Санкт-Петербурге журнала «На русских просторах», выходящего четыре раза в год и редактируемого Т.М. Лестевой и Г.Г. Муриковым. Наиболее заметным произведением из недавно опубликованных журналом «На русских просторах», несомненно, является роман о балерине Алле Шелест, его автор Рафаил Юсофович Вагабов – артист балета, балетмейстер, педагог, автор статей и книг о балете и о творчестве и жизни народной артистки СССР Аллы Шелест, его жены.

Произведение это («Безответная любовь. Биографическая повесть») – крепкая, качественная проза, написанная ясным и лёгким языком. О повседневной жизни артистов вообще и артистов балета в частности мы знаем не так уж много, и этот «взгляд изнутри» весьма познавателен. Произведение я всё-таки называл бы не повестью, а романом. В нём много живых сценок, выпукло показаны характеры. В связи с названием произведения не может не возникнуть вопрос: «безответная любовь» кого к кому? Направляется такой ответ: здесь показаны две безответных любви: прежде всего, Аллы Шелест к Мстиславу Ростроповичу, а также, возможно, речь идёт о безответной любви автора произведения к его супруге, Алле Шелест.

Не буду бестактно углубляться в интимные сюжеты, просто посоветую всем почитать произведение: в нём много говорится о Ростроповиче и Вишневской, с которыми дружили Алла Шелест и Рафаил Вагабов. И Ростропович, и Вишневская, поистине, в прозе Вагабова как живые: может быть, это – банальная фраза для характеристики портретов двух гениальных артистов, но прибавлю ещё одно: возможно, тут речь идёт о трёх и даже о четырёх одинаково талантливых людях. Взгляд Вагабова на Ростроповича и Вишневскую – не взгляд снизу вверх, это взгляд равного на равных.

Также выделю статьи Татьяны Михайловны Лестевой, Геннадия Геннадиевича Мурикова, а кроме этого, не могу не сказать о конкурсах «Двое» (посвящён Мережковскому и Гиппиус) и «Серебряный голубь», организованных журналом «НРП». «Серебряный век» – великая эпоха русской культуры, и очень хорошо, что журнал «НРП» снова и снова пропагандирует этот культурный феномен.

«Серебряный век» я бы назвал своеобразной русской контрреформацией (по аналогии с той контрреформацией, которой католический мир ответил на возникновение протестантизма), т.е. типологически «Серебряный век» относится к категории «вос-

становительных» явлений. «Золотой век» русской литературы был «прореволюционным» (об этом уже говорилось выше в связи с Пушкинскими симпатиями к Пугачёву и опрощением Льва Толстого). «Серебряный век», который начался, думается, с символистов, с таких имён как Брюсов и Бунин, был движением дворянским не только по составу «участников», но и – главное! – по своей классовой природе.

Правящий класс России осознал, что у него есть свои обязанности перед историей, есть ответственность перед государством и перед народом, и ответственность перед народом – парадоксально – заключалась в том, чтобы перестать идеализировать народ, но, напротив, сыграть в отношении народа роль строгих учителей. Тогдашняя Русская Православная церковь оказалась неспособна взять на себя учительскую функцию, и роль эту взяли на себя деятели «Серебряного века». (На упадок, в который пришла церковь перед 1917 годом, в целом, верно указал Г. Муриков, хотя кое в чём его критика церкви представляется чрезмерной.)

Деятели «Серебряного века» нередко называли декадентами, т.е. изображали их как неких певцов упадка. Но на упадочнические настроения в обществе также иной раз не вредно указать: большевики же, напротив, чрезмерно идеализировали, как русский народ, так и человечество вообще; отсюда – некоторые прочёты и провалы большевистского строя.

Конечно, журнал «НРП» отнюдь не специализируется на ценностях дворянской культуры начала XX века; регулярно печатаются материалы о Великой отечественной войне, о блокаде Ленинграда, о разнообразных достижениях эпохи советской. И всё-таки та нота уважения к «Серебряному веку», которая была взята редакцией, по-моему, заслуживает особенного упоминания.

* * *

Теперь несколько слов о так называемых «либеральных» журналах.

Из всех значительных публикаций последнего времени (т.е. за 2016–2017 годы) хотелось бы отметить следующие.

Константин Куприянов. «Новая реальность». Повесть. («Знамя», № 2, 2017).

Анатолий Курчаткин. «Минус 273 градуса по Цельсию». Роман. («Знамя № 4–5, 2017).

Валерий Бочков. «Коронация зверя». Роман. («Дружба народов», № 7, 2016).

Дмитрий Стахов. «Свет ночи». Роман. («Дружба народов», № 9, 2016).

Владимир Березин. «Полотняный завод». Рассказы. («Новый мир», № 2, 2017).

Максим Осипов. «Риголетто». Пьеса. («Знамя», № 1, 2017).

Большинство этих произведений или являются классическими антиутопиями, или содержат элементы таковых (например, часть рассказов из цикла В. Березина являются рассказами-антиутопиями).

Встаёт вопрос: как соотносится жанр антиутопии с той темой усиления сословного неравенства, о которой я говорил выше?

Парадоксально, но антиутопия нередко несёт на себе следы того самого, что она критикует, т.е. в ней есть отзвуки идей рационалистического преобразования общества. Например, что хотел сказать Оруэлл своим романом «1984 год»? Что социальный эксперимент вреден и что лучше в обществе оставить всё так, как есть? Но разве само «традиционное» английское общество с его системой парламентских партий не было результатом весьма рискованного эксперимента? Это первое возражение Оруэллу. Второе: разве жанр гиперболизированной карикатуры допустим в интеллектуальной полемике? Ведь окарикатурить можно всё, что угодно.

Такие же критические замечания могут быть сделаны по отношению к любой из тех антиутопий, что появились недавно в толстых журналах. Вместе с тем, мысль этих авторов (как и главная мысль Оруэлла) всё-таки понятна и до некоторой степени вызывает одобрение.

Основная мишень критики Оруэлла – чрезмерная власть спецслужб («Большого брата», который у Оруэлла постоянно следит за героями романа). Если в обществе нет классовых механизмов, то такое общество, и правда, вынуждено прибегать к инструменту спецслужб для того чтобы просто не развалиться. Но работа спецслужб не годится для некоторых ситуаций и порой напоминает попытку вытащить застрявший в грязи автомобиль с помощью трактора, у которого плохо заводится двигатель. Ясно, что может понадобиться третье транспортное средство, чтобы выручить оба застрявших.

Рассмотрим по порядку перечисленные выше произведения. О текстах Курчаткина и Куприянова журнал «Знамя» дал такой анонс, написанный Евгенией Вежлян (критиком, кандидатом филологических наук, сотрудником отдела прозы «Знамени»):

«Роман **Анолия Курчаткина** “**Минус 273 градуса по Цельсию**”. Сюжет – вполне кафкианский: герой, молодой преподаватель философии, при достаточно странных обстоятельствах, получает записку, где говорится, что он “под подозрением” и должен “покаяться”. Но в чём именно нужно каяться, ему никто не может объяснить...Как и в повести “Новая реальность” Константина Куприянова, опубликованной в №2 “Знамени”, мир, изображённый писателем, очень напоминает окружающую нас социальную и политическую действительность. Похоже, зарождается новый тренд...»

Я бы не сказал, что мир, изображённый Курчаткиным, «очень напоминает» окружающую действительность. Действие происходит в недалёком будущем в Москве, но об интернете в романе почему-то нет ни слова. Вся жизнь в Москве пронизана «щупальцами» спецслужб; несогласных ссылают на некий «Остров» – это концлагерь в лесу, окружённый болотами. Заключённых там кормят, а работать не заставляют; картина не кажется очень устрашающей. Внешняя политика России никак не показана; страны НАТО, США словно бы отсутствуют, что, на мой взгляд, и делает роман далёким от жизни.

А вот антиутопия «Новая реальность» Константина Куприянова, о которой также в своём анонсе сказала Вежлян, кажется гораздо более интересной именно потому, что вопрос внешней политики в повести играет заметную роль. В справке об авторе в соответствующем номере «Знамени» говорится: «Константин Куприянов родился в 1988 году в Москве. Выпускник ВЛК при Литературном институте им. А.М. Горького 2013 года, рассказы опубликованы в журналах “Нева” (№ 12 за 2012 год), “Москва” (№ 12 за 2013 год), “Этюд” (2014 год), “День и Ночь” (№ 4 за 2016 год)».

В повести «Новая реальность» действие также происходит в недалёком будущем, причём в мире всё идёт к ядерной войне России и НАТО; правительство России осуществляет добровольно-принудительную эвакуацию населения из Москвы и Санкт-Петербурга в небольшие городки и посёлки Сибири. Отчасти эвакуация нужна, чтобы напугать страны НАТО готовностью России к войне, отчасти это действительно, подготовка к войне. На новом месте жительства – в далёком северном городке – эвакуированные попадают в условия жёсткой военной цензуры, это заставляет их с жадностью спрашивать вновь прибывших в эвакуацию о том, что же происходит в мире. Вот характерный диалог из повести:

«– А война? – не успокаивался Андрей. – Есть война?»

– Всё как было: то ли есть, то ли нет, – уклончиво сказала фигура, – по телевизору – есть. На улице – особо нету. В Интернете – есть, а в домах – всё спокойно. Как всегда, в общем».

Ситуация изображена страшноватая, и она тем более тревожна, что, как уже было сказано, повесть Куприянова куда ближе к реальности, чем роман Курчаткина.

Теперь кратко о романе «Коронация зверя» Бочкова. Зав. отделом прозы журнала «Дружба народов» Л. Бахнов рекламировал этот роман как чуть ли не главную удачу журнала за последнее время, однако произведение явно неудачно. Оно повествует о путче в Москве в недалёком будущем. Антизападные силы в России отменяют демократические свободы и пытаются установить тоталитарный режим, народ протестует, а в итоге Москва оказывается охваченной беспорядками, лишёнными политического смысла. Везде свирепствуют банды грабителей, жертвой которых и становится герой романа – эмигрант, именно в этот момент решивший вернуться из Америки в Россию.

Описанное в романе очень напоминает события в Москве 1991 и 1993 годов, и, возможно, сам роман является подновлённой рукописью четвертьвековой давности. По крайней мере, автор этих строк абсолютно ничего нового в этом произведении не нашёл: всё в нём производит впечатление уже когда-то виденного или читанного.

Перейду к циклу рассказов В. Березина, заглавный рассказ которого «Полотняный завод», увы, также нельзя назвать удачным. Рассказ повествует о том, как некий богатый эмигрант приехал скупать город Иваново, попавший в экономическую рецессию. О герое рассказа автор ничего не сообщает кроме его фамилии: «Раевский», ещё сказано так: «Часть долгов, даже большая часть принадлежала хозяевам Раевского, и ему нужно было понять, засылать ли сюда падальщиков или дать всему этому добру обратиться в прах и тлен, уйти обратно в русскую землю».

По ходу рассказа автор забывает об экономических проблемах, а всё внимание сосредотачивает на некоем «автоматоне»: это искусственный человек, только непонятно, работает он или испорчен. Автомат почему-то хочет, чтобы его убили, и просит: «Поверните винт влево до упора». Раевский поворачивает, автомат после этого пишет на листке «Спасиб...», после чего пальцы автомата замерли.

Допустим, в этом сюжете можно увидеть намёк: если «повернуть винт влево до упора», т.е. вернуться к политическим методам крайне левых партий, то общество, находящееся в тяжёлом состоянии, может погибнуть окончательно. Автору этих строк

даже близко опасения Березина, т.е. я разделяю его политические взгляды (если я их правильно угадал). Однако сам рассказ эти взгляды не спасают: он кажется написанным наспех и небрежно, как и весь цикл.

И всё-таки у этого цикла рассказов Березина есть и сильная сторона, заключающаяся в изображении сверхъестественного. Здесь нет показа христианского чуда, но есть хотя бы внимание к вещам непознаваемым, таким, как чудесные исцеления (рассказ «Сны») или, наоборот, к так называемым «тёмным силам» (рассказы «Порча», «Жилкомиссия»).

Позволю себе высказать обобщение: укрепление в обществе иерархического (классового) строя невозможно без веры в сверхъестественное, и наоборот: усиление религиозного фактора невозможно в обществе, лишённом иерархии.

Увы, кроме Березина, почти никто из разбираемых авторов «либеральных» журналов этого не хочет видеть. Их антиутопии написаны словно бы атеистами и для атеистов: священники и храмы вообще не упоминаются, видимо, эту деталь авторы считают несущественной. А ведь это неверно: социальная инженерия без учёта религии так же невозможна, как невозможно спроектировать двигатель внутреннего сгорания без систем зажигания или смазки. Двигатель такой не будет работать.

(Скажу в скобках, что многие православные идеологи впадают в противоположную крайность, т.е. вообще отказываются от социальной инженерии. Тем самым они обрекают себя на сугубо страдательную роль и вынуждены вечно протестовать против «кощунственных нововведений», хотя сами никаких нововведений не предлагают.)

Роман Дмитрия Стахова «Свет ночи» представляется мне до некоторой степени удачным. Это произведение реалистическое, хотя его автор, можно сказать, балансирует на грани нереального. Стахов – психолог по специальности – изображает то, что ему, вероятно, знакомо: работу современных психологов в условиях катастроф и социальных кризисов.

Из провинциального города в Москву доходят слухи о том, что убитый местный криминальный авторитет якобы воскрес из мёртвых. Такова завязка романа «Свет ночи». Предположить можно одно из двух: либо кто-то распространяет ложные слухи, либо смерть и похороны этого человека были инсценировкой, а на самом деле он жив. Ситуация усугубляется тем, что город, где произошло «воскресение», – это родной город премьер-мини-

стра, так что не исключена какая-то афера, направленная против премьера. Чтобы разобраться в происходящем, из Москвы в провинциальный город посылают группу из трёх психологов, чья деятельность и составляет главное содержание романа.

Здесь позволю себе критическое замечание. Премьер-министр в романе Стахова похож на Дмитрия Медведева, но город – явно не Петербург, что и делает сюжет заведомо неправдоподобным, хотя в остальном роман добротнo реалистичен. Даже самые необыкновенные события, описанные в нём, в конце получают убедительные объяснения. Человек, вызвавший в романе сенсацию, действительно, был убит и похоронен, а слухи о его «воскресении» распускала организованная группа, преследующая вполне корыстные и понятные цели. Однако описанные в романе методы социальной инженерии имеют как раз тот элемент мистики, о нехватке которого говорилось выше.

Наконец, о тексте Максима Осипова «Риголетто». Он имеет подзаголовок «Трагедия вежливости» и представляет собой пьесу для одного актёра. Это монолог отставного офицера спецслужб, и произведению этому нельзя отказать в точности некоторых уваченных автором интонаций и вообще в жизненности. В связи с этим, однако, у автора этих строк возник вопрос: кто такой Максим Осипов и почему об этом явно талантливом авторе я ничего раньше не слышал?

Обращение к Википедии принесло ошеломительный результат: «Максим Александрович Осипов (род. 4 октября 1963, Москва) – врач-кардиолог Тарусской центральной районной больницы, основатель и президент Благотворительного фонда “Общество помощи Тарусской больнице”, а также писатель-реалист, заслуживший славу “нового Чехова”. Лауреат премии журнала “Знамя”, премии имени Ю. Казакова, премии Бунина, финалист премии имени Белкина (дважды), премий НОС и “Ясная поляна”».

Итак, перед нами не просто талантливый мало известный автор (как показалось мне), но, оказывается, автор, «заслуживший славу “нового Чехова”»! Забавно то, что Википедия вначале говорит, что Осипов – врач районной больницы и основатель фонда помощи этой больницы, а уж затем – видимо, как о второстепенном – сообщает, что он «заслужил славу “нового Чехова”».

Я привожу этот биографический курьёз как иллюстрацию «блеска и нищеты» толстых «либеральных» журналов и вообще всего «либерального крыла» нашей литературы. За четверть века,

прошедшие после распада СССР, в этом «либеральном» секторе нашей словесности вспыхнули и даже успели погаснуть некоторые писатели-«звёзды», а широкая публика о них даже не слышала.

Автор этого журнального обзора не может назвать себя человеком мало начитанным: я постоянно слежу за новинками, а толстые журналы всех направлений просматриваю регулярно, ещё с тех пор, как вёл в 1993–1994 годах на Санкт-Петербургском радио передачу «Журнальное обозрение». Однако о Максиме Осипове, «заслужившем славу «нового Чехова»», и даже о талантливом Владимире Березине я узнал только сейчас, прочитав журналы последнего года не выборочно, а насквозь.

Что же, как говорится, узнать «лучше поздно, чем никогда». Литературные премии настолько обесценились, что писатель может быть лауреатом целого их вороха, а некоторых – даже по нескольку раз, и, тем не менее, о писателе этом ты слышишь впервые. Может быть, именно поэтому журнал «Дружба народов» о премиях талантливого прозаика Дмитрия Стахова ничего не сообщает, а даёт о нём такую справку: *«Дмитрий Стахов – постоянный автор “Дружбы народов”. Имеет диплом психолога. Как прозаик публиковался не только в России; романы, рассказы и эссе также печатались в издательствах “Галлимар”, “Актесюд”, “Сигнатур”, “Рэндом хаус” и др. “Свет ночи” его девятый роман. Живёт в Москве».*

Справкой об этом авторе я бы и хотел закончить разговор о новинках, появившихся в «либеральных» толстых журналах. Как было сказано в самом начале обзора, главной тенденцией последнего времени мне представляется освещение в художественной литературе темы иерархичности и восстановления классовой структуры нашего общества. По-моему, прозаика и психолога Дмитрия Стахова также интересует эта тема. Хотя было бы странно, если бы я пытался «подогнать» под этот вывод все произведения последнего времени. Появилось много произведений и совершенно другой направленности. И всё-таки, мне кажется, что отмеченная мной нота, действительно, звучит, а если так, то важно было привлечь внимание к этому факту.